

СВЕТЛАНА ИКОННИКОВА

Barbie_rose
f Какие свидания? Тебе уже платок и валенки! 🙄🙄

krasotka
Давно у косметолога была? 🙄🗨

Троло лотия

как нейтрализовать
#хейтеров
и противостоять им
В соцсетях

agent_007
Да ты Ботан! 🙄🙄🙄

типология
троллей

Светлана Геннадьевна Иконникова
Троллология. Как
нейтрализовать хейтеров и
противостоять им в соцсетях
Серия «Цифровое общество»

indd предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56566568

*Светлана Иконникова Троллология. Как нейтрализовать хейтеров и
противостоять им в соцсетях:
ISBN 978-5-04-110823-6*

Аннотация

«Троллология»: книга, в которой вы найдете приемы нейтрализации троллей и узнаете, что делать, чтобы они как можно реже появлялись на ваших страницах в соцсетях. Типология троллей и пять тактик противодействия им: все это – на примерах из жизни!

Содержание

Вступление	6
Часть 1	13
Глава 1	15
Как определение понятия может помочь в споре?	17
А что, если автор «сам виноват»?	22
Почему троллинг особенно опасен для подростков?	27
Глава 2	33
Почему мы воспринимаем свои посты как продолжение самих себя?	37
Сколько вам заплатили?	41
Почему письменное слово ранит сильнее устного?	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Светлана Иконникова
Троллология
*Как нейтрализовать
хейтеров и противостоять
им в соцсетях*

Серия «Цифровое общество»

© Иконникова С., текст, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Вступление

Я старше Интернета. Это странно сознавать: кажется, Ин-

тернет был всегда. Но я действительно старше. Даже мое совершеннолетие случилось задолго до того, как в мир каждого из нас пришел Интернет.

Я младше троллей. Причем младше настолько, что по сравнению с возрастом троллинга как явления мой возраст – абсолютное ничто. Кажется, троллинг родился примерно тогда же, когда родился человек разумный. Впрочем, нет. Каждый, кто может наблюдать за жизнью животных – собак, кошек, лошадей, обезьян, – скажет, что и они друг друга периодически троллят.

В принципе, здесь я могла бы написать: «Отсюда вывод: троллинг – это нормальное явление» – и закончить книгу на третьем абзаце вступления.

Но проблема в том, что троллинг – не нормальное явление. Оно нормально с позиции «все делают это» (то есть для статистики отступлением от нормы стало бы отсутствие троллинга в Интернете), но совершенно ненормально с позиции человека, которого троллят.

«Все делают это» – значит, каждый из нас периодически становится объектом преследования. Кто-то чаще, кто-то реже... но каждый. И, конечно, большинство из нас нервничают и страдают от того, что их на ровном месте начинают валить в грязи, пусть и виртуально.

Особенно – если виртуально. Как правило, раны, нанесенные словом письменным, оказываются больнее, чем раны, нанесенные словом устным. В этой книге мы разберемся, почему так происходит, и поймем, что нам делать.

Собственно, к написанию книги подтолкнула сама жизнь. Я слишком часто видела, как в соцсетях одни люди начинают травить других людей. Нет, не подростки (о подростках мы поговорим отдельно), а взрослые, состоявшиеся вроде бы

люди. Травят других – совершенно им незнакомых.

Иногда я, не в силах сдержаться, вставала на защиту тех, кого травили. Иногда получала в ответ ушат виртуальной грязи. Меня это не слишком смущало: я понимала, что грязь летит не в меня лично, а... во что? Почему вдруг одни люди начинают срываться на других?

Я много анализировала случаи троллинга. Подписалась на топовых блогеров (чем более популярен человек в Сети, тем больше на него сливают негатива). Внимательно изучала городские форумы (если у вас тонкая душевная организация, не ходите туда: как правило, на форумах степень агрессии зашкаливает). Изучала вопрос с точки зрения психологии и социологии.

Не могу сказать, что я нашла стопроцентное противоядие.

Но однажды, рассказав на Фейсбуке, что читаю студентам лекции по противодействию троллингу, я наткнулась на недоуменный комментарий одного из френдов: «Ты – по противодействию троллингу?! Но тебя же никто не троллит, чему ты можешь научить?!»

Собственно, я могла научить тому, как вести свой далеко не маленький и вполне долгоиграющий блог и при этом не нарваться на тонны виртуальной коричневой субстанции (которая, увы, не шоколад).

По первому образованию я психолог. И, хоть никогда не работала по этой специальности, базовые знания психологии помогали всю жизнь. По первой профессии я – журналист: 20 лет работы в печатных СМИ свели меня с тысячами самых разных людей и дали весьма объемную картину мира. По второй профессии я – тренер по письменной риторике: учу не только писать тексты, но и вести письменные диалоги. Ну а по жизни я – мама двоих сыновей, жена мужа, водитель машины и хозяйка собаки. Эти социальные роли ни в коем случае не дают забыть о существовании в нашей жизни троллей.

Поэтому давайте вместе разбираться, кто они такие и что им от нас надо. И выводить алгоритмы: как действовать, чтобы тролли к нам не приставали, а если уж пристали – мгновенно ретировались.

И еще одно маленькое пояснение. Работа тренером меня слегка профдеформировала. Не хочу просто «читать лекцию». Моя задача на тренингах – не «прочитать», а сделать так, чтобы люди, которые пришли на занятие, ушли с него, обладая навыком, которым доселе не обладали.

К книге я подхожу с таких же позиций. Моя цель – не только рассказать вам о троллях, но и сделать так, чтобы после прочтения этой книги вы сами могли бы:

- ✓ во-первых, определить, что ваш пост или комментарий потенциально «троллеопасен»;

- ✓ во-вторых, поменять его таким образом, чтобы не исказить смысл, но снизить опасность;

- ✓ в-третьих, грамотно ответить троллю, если он все-таки заведется у вас в комментариях.

Поэтому в конце каждой главы будут вопросы или задания. Постарайтесь их не пропускать. Конечно, можно читать книгу как роман, но, честное слово, полезнее будет немного поработать над ней – и после этого выходить в Сеть без опасений быть немотивированно обиженным.

Тем более что в начале книги задания будут совсем простые, а в конце... если выполните первые, они тоже покажутся вам простыми.

Желаю приятного и полезного чтения и до встречи на просторах соцсетей!

Follow Me

Часть 1

Да откуда они взялись?

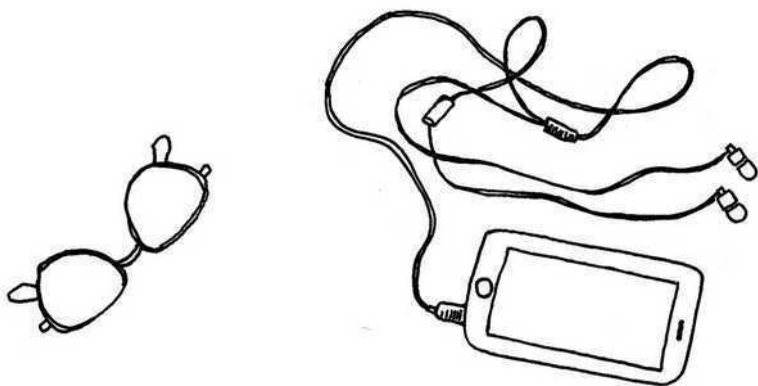

Что будет?

В первой части книги мы разберем, кто такие тролли и почему они так сильно нас тревожат. Это действительно важный вопрос: если мы не сможем понять, какие именно действия тролля вызывают у нас злость, обиду, досаду, раздражение, мы не можем придумать противоядие.

Это как с поиском вакцины к новому вирусу (я пишу эту книгу в разгар пандемии 2020 года и каждый день читаю «сводки» с медицинского фронта): сначала надо изучить заразу, потом изучить ее воздействие на человеческий организм – и только после этого создавать противоядие.

Так что давайте первым делом определимся, почему тролли задевают нас и чем троллинг в Интернете отличается от троллинга в жизни.

Глава 1

Тролли среди нас

Тургеневская девушка

– Я удалилась из соцсетей, – моя знакомая Марина с опаской посмотрела на телефон, как будто он мог сам, без воли хозяйки, включить Фейсбук, Инстаграм и ВКонтакте.

– Зачем?

– Не могу больше. Как только начинаю читать комментарии, сразу расстраиваюсь. Там столько негатива!

Марина – девушка тончайшей душевной организации, такие, как она, вздрагивают даже при слове «дурак». Комментарии в соцсетях (написанные, кстати, не под ее постами) часто доводят ее до слез. Ей кажется, что мир медленно, но верно рушится, а вежливость из нормы жизни уже перешла в краснокнижный разряд. Она говорит, что соцсети вытаскивают из человека худшее, что в нем есть, и что она никогда, ни в коем случае не позволит своим детям заводить аккаунты в виртуальном мире.

В соцсетях действительно много троллинга. И тролли действительно могут достать едкими комментариями.

Есть лишь один нюанс. Тролли не порождение Интернета, и Интернет не порождение троллей. Тролли существовали всегда, а Интернет лишь сделал их более заметными.

– Но в жизни я не встречаю их так часто! – восклицает Марина.

И, кстати, она права.

Интеллигентная девушка Марина живет не то чтобы в башне из слоновой кости, но в весьма рафинированной сре-

де: она работает в «очаге культуры» (еще из тех старых очагов, где нецензурная лексика – это моветон, а не лихость), она посещает театры и концерты классической музыки и даже общественным транспортом пользуется крайне редко: квартира в центре города дает ей преимущество шаговой доступности музеев, выставок и прочих культурных объектов.

И в то же время Марина заблуждается – ровно настолько же, насколько она права.

Как определение понятия может помочь в споре?

Львиная доля споров возникает из-за того, что люди перед началом словесной битвы не договариваются, что они планируют иметь в виду под тем или иным понятием.

Однажды на занятиях по логике мои студенты-журналисты до хрипоты спорили, входит ли множество «дед» в множество «отец»?

– Входит! – кричали одни.

– Вы что, с ума сошли? Пересекается, но целиком не вхо-

дит! – не менее азартно кричали другие, готовые покрутить пальцем у виска.

И я вдруг поняла, в чем дело.

– Ребята, стоп! – хлопнула в ладоши. – Ну-ка, объясните, что для вас означает понятие «дед».

– Любой дед – это отец, – сказали студенты из первой группы. – Если у человека есть внуки, значит, у него точно есть (или были) дети!

– С чего вдруг? – возмутились ребята из второй группы. – Представьте, идет по улице старенький мужчина с палочкой. Как мы его назовем? Дедушка. А у него, может, не то что детей и внуков, жены никогда не было!

– Ребята, это моя ошибка, – пришлось извиниться мне. – Я должна была сначала дать вам возможность договориться о значении понятия «дед». Кого мы считаем дедом: любого пожилого мужчину? Или мужчину, у которого есть дети и внуки (и не важно, что этому мужчине, например, всего 45 лет)? Мы не определили содержание понятия – и начали спорить на пустом месте.

В интернет-битвах такое встречается сплошь и рядом: люди ругаются друг с другом до виртуальной крови, не отдавая себе отчет в том, что, по сути, каждый из них спорит о своей «картинке».

А между тем, нужно было всего-навсего сказать в самом начале: «Послушайте, а давайте определимся с понятиями. Что вы имеете в виду, когда говорите „счастливая се-

мья“? Что для вас феминизм? А понятие „троллинг“, на ваш взгляд, — это что?»

Кстати, вы можете попробовать применить этот прием в споре — даже если горячая дискуссия не прекратится, то накал борьбы как минимум снизится с зашкаливающего до приемлемого.

Итак, чтобы нам не начинать спор с самых первых страниц книги, давайте определимся, что такое троллинг. Благо, понятие это довольно новое, в энциклопедиях прочно не закрепившееся — а значит, мы имеем полное право дать ему такое определение, какое будет звучать пусть не академично, но зато понятно.

✓ Когда кто-то из поста в пост приходит на вашу страницу и пишет вам комментарии, которые вас задевают, – это троллинг.

✓ Когда кто-то в ответ на ваш пост «сегодня прекрасная погода» пишет «ты сволочь!» – это троллинг.

✓ Когда кто-то оскорбляет ваших родных или друзей, зная, что эти люди для вас важны, – это троллинг.

✓ Когда кто-то выводит вас из себя подколами и ехидными шуточками – это троллинг.

✓ И когда кто-то в своих постах пишет, что у вас нет ни ума, ни таланта, ни способностей, ни чести, ни совести, – это тоже троллинг.

Словом, когда вы прочитали чей-то комментарий и вам после этого хочется то ли вымыть руки с мылом, то ли тошнота начинает подступать, это означает, что вы нарвались на тролля.

А что, если автор «сам виноват»?

Конечно, самые справедливые читатели тут же возразят: «А если у гипотетических „нас“ действительно нет ума, чести и совести? И если в комментариях гипотетическим „нам“ говорят об этом напрямую – разве это троллинг? Это раскрытие глаз на горькую правду».

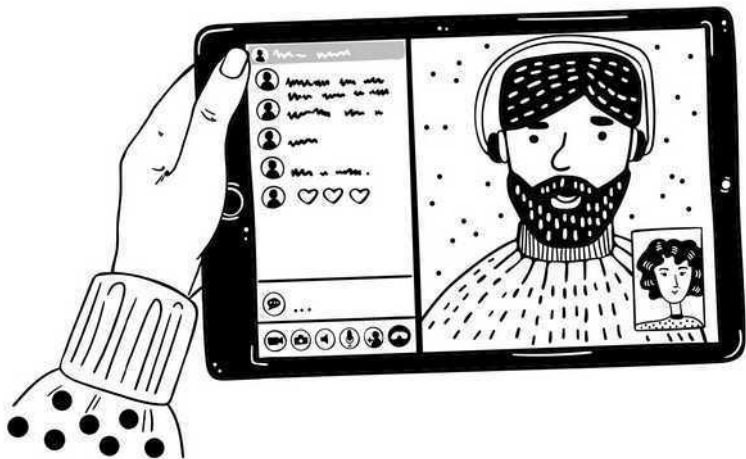
Да, это тоже троллинг. Потому что гипотетические «мы», выкладывая свой пост (пусть и лишенный ума, чести и совести), не спрашивали совета. Гипотетические «мы» не просили измерять наши моральные качества и интеллектуальные

способности.

Поэтому комментарий «ты сволочь и дурак» – это всегда оскорбление. А вот комментарий: «На мой взгляд, в вашем рассуждении есть ошибка» – уже не троллинг. Он вроде бы о том же самом, но не оскорбителен. Впрочем, о магии комментариев мы поговорим в 9-й главе.

Главное же в том, что мы воспринимаем мир, пропуская его через себя. Мы сами для себя – система мер и весов. Комментарий, который одному человеку покажется забавным, другого может сильно ранить. И автор комментария для кого-то будет остроумным парнем, а для другого – троллем.

Я писала книгу так, чтобы каждый читатель, пользуясь изложенными в ней технологиями, мог избавить себя от комментариев, которые его ранят. Подчеркну: мы не можем избавить человечество от троллей. Но мы можем свести их воздействие на себя до минимума.

Давайте считать, что тролль – это любой человек, чьи комментарии или посты в соцсетях нас обижают и не дают спать ночами. А троллология – это *ненаука* о том, как жить в Интернете и не нарываться на троллей.

Кстати, определив троллологию как *ненауку*, я автоматически отвела от себя шквал гневных комментариев формата: «Да как вы смеее называть наукой свою простенькую теорию!» Нет, друзья. Троллология – это *ненаука*. Именно так, в одно слово.

Конечно же тролли существовали всегда – точно так же, как всегда существовала плохая погода.

Каждый из нас знает определение «хам трамвайный» – так

называют людей, которые любят покричать не только в общественном транспорте, но и во всех «местах общего пользования», откуда, в случае чего, можно быстро ретироваться.

Каждый из нас хоть раз в жизни ловил спиной: «Ты смотри, какая шалава!» или «Ишь, идет, неуч!» – брошенное бабушками у подъезда. Пожалуй, только нынешние двадцатилетние не застали культуру «приподъездных посиделок»: в моем детстве не существовало ни одного подъезда без бабшек, а некоторые женщины, кажется, даже считали дни до пенсии – чтобы наконец-то получить возможность легально сесть на лавочку и обсудить любую проходящую мимо человеческую особь.

И у каждого из нас в семейной летописи (устной или письменной – не важно) есть история о каком-нибудь прадедушке или прабабушке из серии «затравили». Кто-то после такого «затравили» выходил замуж за нелюбимого человека, кто-то уезжал с насиженных мест, а кто-то и вовсе накладывал на себя руки. Троллинг не так безобиден, как может показаться на первый взгляд.

**Почему троллинг особенно
опасен для подростков?**

– О, Мотька пришел, – хохот прозвучал даже раньше, чем Матвей протиснулся в дверь. – Мотька чумной!

Матвей кисло улыбнулся, как бы соглашаясь: да, чумной. Такой уж уродился, не бейте.

Его, кстати, не били. Просто в техническом кружке, куда Матвея определили родители, все ребята были на пару лет старше. Матвей учился в шестом классе, а они – в восьмом. И плюс среди ребят были две девочки. И плюс – красавицы.

И плюс – каждая из девочек знала о том, что она хороша.

Тестостерон бодрил кровь восьмиклассников и заставлял измываться над Матвеем. Все, что могло поставить в противовес их воспитание, – «угговорить» не распускать руки. Поэтому Матвея троллили словами. Называли «чумным» и «дебилем». Ржали над малейшим его проколом. И даже когда никаких проколов не было – все равно ржали.

Девочки хихикали и одаривали особо остроумных одобрительными кивками: поощряли к дальнейшим действиям.

Матвей не сопротивлялся. Он был не «альфа-самец» – скорее спокойный, не склонный к истерикам интроверт. В обычной жизни таких, как Матвей, не троллят: они дают слишком мало «отзыва», чтобы тролли могли насытиться результатами своей «работы».

Но тут вариантов не было: мальчикам нужно повыпендриваться перед девочками, а Матвей – новенький и младший. На ком упражняться? На нем. А чтобы совесть не мучала (ну нормальный же парень, чего к нему цепляться?), парни убедили сами себя, что Матвей – дебил.

– Эй, Моть, ты хоть правило буравчика-то знаешь?

– А?

– Ну я ж говорю: дебил!

Матвей ушел из кружка через три месяца. Сказал маме: «Не хочу, и все. Не пойду больше. Разочаровался в технике». Мама не смогла переубедить – и слава богу.

Где был руководитель кружка? Где-то был. Наверное, в

буравчиках.

Это один из самых легких случаев троллинга. Обычно подростки жают сильнее. Настолько больно, что порой раны не затягиваются на протяжении всей жизни.

А между тем, подростковый троллинг был всегда – с тех

самых пор, как человек разумный вообще научился говорить. Он принимал разные формы – от боев «стенка на стенку» до едких комментариев в соцсетях, но существовал практически в каждом поколении. Так, может, и не обращать на него внимания? Может, пережить подростковую агрессию как ветрянку – все равно же переберется, вырастут, будут нормальными людьми?

Нет.

Если уж продолжать аналогию с ветрянкой – мы не просто констатируем факт ее наличия. Мы лечим ее и изолируем заболевшего ребенка. Более того: сегодня делают от ветрянки прививки, чтобы ребенок в принципе ею не заболел.

Я очень надеюсь, что эта книга станет для вас и ваших детей прививкой от интернет-троллинга. Или как минимум – лекарством, которое поможет максимально быстро нейтрализовать токсичное воздействие троллей. Еще раз повторю: не обольщайтесь – мы не сможем переделать ни одного тролля. Но мы можем выстроить наше общение так, чтобы тролли не интересовались нами и чтобы нас не слишком задевали их комментарии (даже если таковые появятся).

#задание 1

✓ **Подумайте**, какие комментарии в соцсетях сильнее всего выбивают вас из колеи? Они связаны с какой-то темой? Или вас расстраивает не столько тема, сколько стиль изложения? А может быть, вас вымораживает нецензурная лексика? Или интонация покровительства?

✓ **Постарайтесь** максимально точно ответить: каков ваш персональный «триггер» и к какой эмоциональной реакции он вас приводит?

✓ **Не бойтесь** пользоваться глаголами, которые кажутся вроде бы неакадемичными – такими как «вымораживает» или «бомбит». Сейчас ваша задача – сформулировать свое состояние максимально четко. А академичность может и подождать.

Глава 2

Почему нам больно от троллинга?

Проект, о котором никто не узнал

– Нет. Мы сделаем проект, но в соцсетях про него рассказывать не будем, – Олег, владелец небольшого, но крепкого бизнеса, положил руку на папку с проектом.

– Но ведь нам же нужен пиар, – его сотрудница Ира вздрогнула от неожиданности, – ведь мы же для того и пла-

тим за иппотерапию, чтобы...

– Мы платим за иппотерапию, чтобы дети с ДЦП могли заниматься на лошадях, – оборвал ее Олег.

Оборвал резко – Ира не могла припомнить случая, чтобы ее энергичный и доброжелательный шеф был так бесцеремонен.

Проект «Лошадь в помощь» был идеей Иры. Ее сын занимался конным спортом, и Ирина знала, что помимо обычных детей (мамы ребят «с особенностями» называли таких детей «нормотипичными») «на лошадок» привозят деток с ДЦП и синдромом Дауна. Оказалось, конный спорт отлично помогает почувствовать свое тело и «прокачать» спящие мышцы. Но далеко не у всех родителей были средства на то, чтобы платить еще и за иппотерапию.

Ирина предложила своему шефу: «А давайте мы за счет фирмы оплатим занятия троих детей – у родителей совсем нет денег». Шеф внезапно согласился. Казалось бы, отличная возможность заодно и попиариться, тем более что мамы и папы мальчишек (все трое были мальчиками) вовсе не против, чтобы Олег рассказал об их детях и иппотерапии в соцсетях.

Он и рассказывал, кстати.

А потом вдруг резко – нет!

Ира поняла: здесь что-то не так. После совещания она села за свой стол, открыла страницу Олега на Фейсбуке, пролистала посты и обнаружила, что Олег уже полторы недели

вообще ничего не писал в соцсети.

«Странно, – удивилась девушка. – На него совсем не похоже».

Стала листать дальше, читать комментарии... и увидела, что почти под каждым постом в комментариях непременно появляется некий Аркадий. Этот Аркадий въедливо допытывался, откуда у Олега деньги на тот или иной проект. Требовал предоставить отчетность. Возмущался, что на благотворительность Олег тратит крохи, а мог бы гораздо больше.

В кабинет Олега Ира побежала не закрывая «Фейсбука».

– Олег, это из-за него? – протянула она шефу смартфон как улику. – Это из-за него ты перестал писать посты?

– Да, – Олег отвернулся и посмотрел в окно. – Он убивает мой кураж.

Казалось бы: ну что такого – пишет какой-то тролль, неужели обращать на него внимание? Ерунда какая-то.

Казалось бы: Олег – взрослый человек, у него бизнес, он

явно не в тепличных условиях живет.

И вдруг – какой-то тролль.

Ира даже специально погуглила: Аркадий был абсолютный «пирожок ни с чем»: работал кем-то вроде «подай-принеси», жил один, его страница на Фейсбуке была словно стертой ластиком – никаких отличительных черт. Он и внешне-то выглядел как типичное «ничего»: серенький, невзрачненький, скучненький...

И такой тролль может выбить из колеи владельца бизнеса (пусть и малого бизнеса)?

Запросто может.

Почему мы воспринимаем свои посты как продолжение самих себя?

Троль бьет человека не в бухгалтерию, налогооблагаемую базу или стратегию развития. Троль бьет в самого человека. Если хотите – в душу.

Я могла бы предложить вам составить список тех, кого вы любите больше всего. Нисколько не сомневаюсь, вы вписали бы в него своих детей, родителей, супругов (насчет супругов не уверена, но пусть так), близких друзей. Если у вас есть домашние животные – они совершенно точно появились бы

в этом списке (вот за собак и кошек, в отличие жен и мужей, могу поручиться головой). И вы наверняка забыли бы внести в этот список еще одного человека. Того, кто на самом деле для вас – самый важный и самый любимый.

Вы забыли бы вписать себя.

Мы эгоисты. Мы любим себя больше других, даже не признаваясь в этом. И, кстати, очень хорошо, что мы эгоисты, – человечество выжило и развилось благодаря тому, что каждая конкретная особь была крайне заинтересована в том, чтобы не просто выжить, но и жить с максимумом комфорта. Конечно, в разные эпохи комфорт понимался по-разному. Но именно любовь к себе стала двигателем прогресса. Интересная особенность: пока наши дети еще совсем маленькие, мы с трудом воспринимаем их как отдельную личность. Мы их чувствуем частью себя: не зря так часто родители младенцев говорят про своих малышей «мы проснулись» и «мы надели чепчик». И в этом тоже есть особая мудрость природы – без родителей малыш не выживет, а значит, у них, родителей, должна быть неистребимая потребность ребенка расти, кормить и любить. Это же целый год не спать ночами! Продержаться можно только на силе любви, и даже морально-волевые установки – «я должен» – запускаются благодаря любви.

А теперь представьте, что вы идете по пустынной улице: светит солнце, настроение чудесное – и вдруг без объявления войны на вас нападает какая-то личность (совершенно

не важно, мужчина или женщина, молодой человек или старый) и изо всех сил ударяет вас кулаком под печень.

Что вы почувствуете?

Боль. Дикую физическую боль. Ну и обиду, конечно.

Обидный, ранящий комментарий в соцсетях – это точно такой же удар по печени. И нам от него точно так же больно, как было бы больно от реального удара.

Я даже не смогла подобрать нужное прилагательное, чтобы описать комментарий тролля, но при этом не использовать слова, связанные с физической болью. Так и пришлось писать – «ранящий».

Сколько вам заплатили?

Ну хорошо, тролль бьет прямо в душу, но мы-то почему к своим собственным постам и текстам относимся столь трепетно? Вот, например, тот же бизнесмен Олег. Его фирма производит деревянную мебель. И наверняка его столы, стулья, табуретки в процессе эксплуатации получают царапины, ломаются. Почему от этого Олегу не больно, а от комментария больно?

Или почему журналистов (писать для них – вообще профессия) обидные комментарии под статьями задевают мень-

ше, чем под личными постами? Теми, что они публикуют в соцсетях?

Разница, как всегда, в деталях. Столы, табуретки и статьи – это работа, ничего личного, как говорится. Человек «под заказ» написал заметку или сколотил табуретку и получил за свою работу деньги. Заметка или табуретка – это продукт, который мы делаем не для себя, а для заказчика (для себя, возможно, мы сделали бы вообще по-другому).

А посты – это наше личное. Это наши, и только наши, мысли и идеи, это наш взгляд на мир. Мы не получаем деньги за то, что делимся своим мнением о политике, искусстве или ценах на хлеб. Мы спорим о том, нужно или нет делать детям прививки, не «отрабатывая заказ», а для себя. Потому что нас эта тема дергает за эмоции.

Кстати, по моим наблюдениям, есть три темы, которые всегда вызывают взрывную дискуссию (и это при условии, что дискутирующее общество будет крайне воспитанным – в противном случае взрывная дискуссия мгновенно перерастает в свару). Это прививки, собаки и политика. Просто напишите у себя на странице: «Я считаю, что детям не нужно делать прививки», «Я считаю, что детям нужно делать прививки», «Эти собаки загадили весь двор», «С собакой уже негде погулять» – и отбегите на безопасное расстояние.

Возвращайтесь через час – и восхищайтесь протяженностью ленты комментариев: в особо тяжелых случаях она растягивается настолько, что, распечатайте на принтере, можно измерить ею длину Транссиба.

Так вот. Когда мы пишем что-то личное, мы фактически выходим к читателям безоружными. Мы же говорим про себя, про своих детей, про жен-мужей, кошек-собак... И любое негативное замечание в комментариях отдается болью – так, словно вы вышли на рыцарский турнир без щита, лат и коня.

Замечание в соцсетях – это удар по нашему «образу я». И порой удары эти настолько чувствительные, что приходится перестраивать сам «образ я», чтобы не было мучительно

больно.

Знаю талантливого писателя, который в соцсетях целенаправленно играет роль шута. Он пишет тексты, полные сюрреализма и самоуничтожения – но это самоуничтожение стало для него идеальной защитой. «Вы можете троллить меня как хотите, – словно говорит он. – Я ведь и правда неудачник и старый балбес».

Но его никто не троллит – ковырнуть не за что. И он на самом деле знает, что он – талантлив. Но он так давно носит привычный ему сетевой образ, что, кажется, и в реальности уже начал все больше и больше с ним сживаться.

А начиналось все с того, что однажды ему, тогда еще молодому и горячему, кто-то из троллей начал писать: «Что за бред? Графоман!» И ему это было больно. Поэтому, чтобы не получать боль, он скорректировал свой «образ я». Принял как данность: «я неудачник и графоман». Да, троллинг прекратился. Но и успех тоже как-то подзадержался в пути.

**Почему письменное слово
ранит сильнее устного?**

В обычной «аналоговой» жизни мы тоже периодически получаем от окружающих совсем не те отзывы, на какие рассчитываем. Например, многие взрослые сыновья и дочери не очень любят, когда родители начинают вспоминать дошкольные или школьные годы своих детей. Потому что «образ детства» взрослого человека практически никогда не совпадает с тем образом детства, который «выдают» его родителей.

Углы зрения у нас разные, и поэтому мы так часто умоляем мам (особенно мам):

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.